

СОБЫТИЙНЫЙ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ В ЦИКЛАХ РАССКАЗОВ В. А. НИКИФОРОВА-ВОЛГИНА «ДЕТСТВО» И «ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ДЕТСТВА»

Е. Л. Сузрюкова

Новосибирская православная духовная семинария

Поступила в редакцию 21 января 2022 г.

Аннотация: статья посвящена анализу особенностей сюжетной организации двух циклов рассказов В. А. Никифорова-Волгина о детстве. Цикл «Детство» открывает первую книгу прозаика. В нем идет речь о жизни верующей семьи до революции. Центральным событием каждого из рассказов цикла является либо участие героя в церковных таинствах, либо встреча православного праздника или значимого события церковного календаря. Смысловой доминантой данного цикла становится празднование Пасхи Христовой. Второй цикл — «Из воспоминаний детства» — отчасти восполняет первый, поскольку повествует о тех памятных днях церковного календаря, которые не были представлены в первом цикле, однако здесь есть и совершенно особенные события: смерть брата мальчика-повествователя, встреча с юродивым, история жизни «московского миллионщика». В семантическом плане через повторяющиеся в разных рассказах цикла образы зерна и кутьи здесь представлен в свернутом виде сюжет грядущего воскресения, путь к которому лежит через серьезные испытания и смерть. Оба цикла включены в книги, где рассказывается о жизни в России до и после революции. Циклы о детстве смягчают трагическую тональность текстов о послереволюционных событиях и дают надежду на грядущее духовное преображение страны.

Ключевые слова: В. А. Никифоров-Волгин, сюжет, событие, семантика, цикл рассказов «Детство», цикл рассказов «Из воспоминаний детства», православие.

Abstract: the article analyzes the particular plot structure of two V. A. Nikiforov-Volgin's short story cycles dedicated to childhood. The Childhood cycle opens the first book of the writer, and tells about a religious family's life before the Revolution. Each story of the cycle puts on centre stage either a character's participation in the Sacraments of the Church, or celebration of an Orthodox Christian holy day or an important event in the Christian calendar. Celebration of the Orthodox Easter (Passover) becomes the dominant idea of this cycle. The second cycle, The Memories of Childhood complements the first one in part, as it tells about those memorable days of the Christian calendar that were not included in the first cycle. At that, the second cycle also features completely different events, such as death of the boy narrator's brother, an encounter with a Fool-for-Christ, or a life story of a 'Moscow millionaire'. At the semantic level, the writer presents images of grain and koliva, which reoccur throughout the cycle. They are used to shortly describe the scenario of the future Resurrection, the path to which lies through hardships and death. Both cycles are included in books that tell about life in Russia before and after the Revolution. The cycles about childhood mitigate the tragic tone of texts about events after the Revolution, and bring hope for a future spiritual transformation of the country.

Keywords: Nikiforov-Volgin, plot, event, semantics, cycle of short stories «Childhood», cycle of short stories «Memories of Childhood», Orthodoxy.

По определению В. Е. Хализева, «сюжет — цепь событий, изображенных в литературном произведении <...>» [1, 381]. Н. Д. Тмарченко говорит о том, что сюжетное событие представляет собой «перемещение персонажа, внешнее или внутреннее, <...> через границу, разделяющую части или сферы изображаемого пространства и моменты художественности, связанное с осуществлением его цели или, наоборот, отказом от нее, а также преодоление препятствий» [2, 239]. Как указывают Т. И. Печерская и Е. К. Никанорова, «значимость сюжетного события определя-

ют существенные изменения в жизни или сознании героя» [3, 13]. При этом «выявить сюжетную иерархичность событий возможно только с помощью картины мира в целом, представленной в произведении. Именно картина мира позволяет определить масштабы того, что является событием, а что его вариантом, не сообщая нам ничего нового» [3, 14]. В произведениях, представляющих собой цикл, события возникают не только отдельно в каждом тексте, входящем в целое цикла, но и на стыке разных текстов, где, как пишет Л. Г. Акопян, реализуются «разноуровневые межтекстовые связи, благодаря которым порождаются новые смысловые комплексы,

не выводимые из семантической структуры каждого отдельного текста» [4, 5]. Семантический аспект сюжета опирается на рассмотрение смысловых комплексов такого рода, а также на мотивы и образы, формирующие глубинную смысловую мифопоэтическую сюжетную основу¹. Хотя приведенное здесь утверждение касается именно лирического цикла, тем не менее, на наш взгляд, и в отношении цикла прозаических текстов оно также может быть употреблено. К примеру, М. Н. Дарвин и В. И. Тюпа в книге «Циклизация в творчестве А. С. Пушкина» наряду с такими лирическими циклами, как «Подражание Корану», «Песни западных славян» и некоторыми другими рассматривают также и «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А. П.». Исследователи отмечают: «Циклообразующим фактором первостепенной значимости в «Повестях Белкина» следует признать именно эффект *двуголосого* слова, преодолевающий кризис моносубъектного повествования <...>» [6, 158]. Ключевым событием в пушкинских «Повестях...» является, по мнению ученых, само рассказывание: «<...> изображающее слово подставного «автора» <...> оказывается словом изображенным, требуя эстетического отношения не только к обозначаемым им фактам, но и к себе самому» [6, 159]. Ю. П. Феоктистова подчеркивает, что «в XX в. циклизация становится одним из ведущих эстетических принципов» [7, 13] не только в литературе, но и в других видах искусства. Исследователь связывает это явление с кризисной ситуацией эпохи: «<...> во времена исторических потрясений и расколов художественное сознание неизбежно обращается к архаическим формам, позволяющим <...> удерживать в восприятии читателя от распада окружающую действительность <...>» [7, 14]. Книги В. А. Никифорова-Волгина, в том числе циклы о детстве, в них входящие, написаны как раз в тот исторический период, когда верующие подвергались преследованиям и репрессиям со стороны советских властей. Увидеть свет книги прозаика смогли потому, что вышли за рубежом в 1940 г., до установления советской власти в Эстонии, где жил В. А. Никифоров-Волгин, оказавшийся там вместе с семьей после революции. Цикл «Детство» открывает его первую книгу «Земля-именинница» (1937), а цикл «Из воспоминаний детства» входит в его вторую книгу «Дорожный посох» (1938). С. Исаков отмечает, что готовилась к выходу в свет и третья книга прозаика — «Древний город» («Жизнь и нравы русской провинции после революции») — в 1939 г., однако она так и не была

напечатана [8, 334]. Рассматриваемые нами тексты входят в книги, которые писатель успел опубликовать до того, как сам пострадал от репрессий. По 58-й статье прозаик был расстрелян 14 декабря 1941 г., а реабилитировали его лишь в 1991 г.

Циклы «Детство» и «Из воспоминаний детства» смягчают трагическую тональность текстов о послевоенных событиях в книгах писателя и дают надежду на грядущее духовное преображение страны. А. Перфильев отмечает такую тональность «детских» рассказов В. А. Никифорова-Волгина: здесь, по мнению критика, в отличие от текстов о связанных с революцией событиях, все «<...> радостно, чисто и не омрачено» [9, 477]. С. Нарышкин же пишет о ценностно важной для писателя дореволюционной эпохе, отразившейся в его текстах: «С былым, ушедшим, далеким Никифоров-Волгин связан крепкой, неразрывной пуповиной» [10, 474].

Циклы В. А. Никифорова-Волгина о детстве скрепляет прежде всего фигура рассказчика, с чьей точки зрения показаны события (С. Исаков так обозначает магистральную тему циклов — «мир церкви глазами ребенка» [8, 335]), время и место действия, повторяющиеся персонажи второстепенного ряда².

Рассказчиком в обоих циклах является мальчик Вася. В нем легко угадываются автобиографические черты самого В. А. Никифорова-Волгина. Вася приобщается к православной вере, живо и радостно воспринимает церковную службу и церковные Таинства. Е. Ю. Афонина говорит о том, что в циклах, где повествователь выступает еще и как персонаж, на уровне сюжета неоднократно реализуется и проверяется его кредо, «которое может подтвердиться еще раз в заключении» [12, 60]. Иными словами, «общий сюжет цикла — это путь героя-повествователя, его самоопределение, выбор и утверждение этической и идеологической позиции в мире» [12, 59]. Но если организуя роль в этом процессе самоопределения исследователь отводит хронотопу дороги, то в отношении циклов о детстве В. А. Никифорова-Волгина следует сказать, что структурообразующим началом в этих циклах выступает церковный календарь, т.е. здесь важен не столько пространственный, сколько временной принцип. Это связано с тем, что позиция героя-повествователя опирается на православное мировоззрение, с которым тесно сопряжено литургическое время богослужения, а именно годовой его круг. Это отражено и в названиях отдельных рассказов циклов («Кануны Великого Поста», «Великая Суббота», «Светлая Заутреня», «Отдание Пасхи» и т.п.).

¹ Ср. с определением семантического сюжета, данным Каталин Кроо: «Под семантическим сюжетом — подразумеваются отдельные линии и совокупность определенных смыслопорождающих процессов в литературном тексте, включая, в качестве их органичной части, событийный сюжет произведения» [5, 7].

² Н. Н. Костянин пишет о Васе: «Ассоциации мальчика говорят о том, что он, несмотря на малый возраст, уже понимает, что он православный христианин, и должен жить по-христиански» [11, 11]. И еще: «Перед нами чувствительный мальчик, который близко к сердцу воспринимает церковную службу» [11, 34].

Событием в каждом рассказе становится переживание героем церковного праздника, участие в Таинстве или церковной службе. Так, в рассказе «Причащение» Вася волнуется: «Войдет ли в меня Христос? Достоин ли я?» [13, 25]. Само же событие участия в Таинстве Евхаристии сопряжено в тексте с мотивом радости: «По отходе от Чаши долго не отнимал от груди крестообразно сложенных рук — прижимал вселившуюся в меня радость Христову...» [13, 26]. Весь мир преобразается для героя в результате этого события: «В этот день я ходил словно по мягким пуховым тканям — самого себя не слышал. Весь мир был небесно тихим, переполненным голубым светом, и отовсюду слышалась песня: «Вечери Твоея тайныя... причастника мя прими»» [13, 26]. Единение с Богом, переживаемое чистой душой ребенка, — главное событие этого рассказа.

В цикле «Из воспоминаний детства» появляются также значимое для рассказчика событие встречи и скорбное событие смерти.

Если цикл «Детство», изображающий Россию до революции с ее духовными идеалами, открывает первую книгу писателя, то цикл «Из воспоминаний детства» следует во второй книге В. А. Никифорова-Волгина за повестью «Дорожный посох», давшей название книге. В этой повести представлена смена эпох: Россия до, во время и после революции. Цикл о детстве возвращает читателя в дореволюционную пору, однако, в отличие от цикла «Детство» в первой книге, здесь уже звучит тема ожидания грядущих потрясений и поругания святынь (рассказы «Тайнодействие», «Юродивый Глебушка»).

Тема русскости ярко освещена в цикле «Из воспоминаний детства». Так, в рассказе «Радуница» Вася размышляет о русском слове: «И до чего это чудесны наши русские слова! Если долго вслушиваться в них и повторять раздельно и со смыслом одно только слово, и уже все видишь и слышишь, что заключено в нем. Как будто бы и короткое оно, но попробуй, вслушайся... Вот, например, слово «ручеек». Если повторять его часто-часто и вслух, то сразу и услышишь: ручеек журчит между камешками! <...> В день Радуницы много перебрал всяких слов и подумал с восторженным, впервые охватившим меня чувством: «Хорошо быть русским!»» [14, 83]. Осмысление этого — уже значимое событие в контексте не только данного рассказа и цикла, но и всей книги: для автора дорога Русь с ее духовными идеалами и культурой — то, что после революции многими перестанет осознаваться как нечто ценное.

Второй «детский» цикл отчасти восполняет первый, так как включает в себя рассказы, посвященные церковным праздникам и особо значимым дням церковного года, отсутствующие в первом цикле. Особенно ярко это проявляется в рассказе «Великая суббота» в цикле «Из воспоминаний детства», в котором упоминается происшествие из рассказа «Плащаница»

цикла «Детство». Там Вася называет друга Гришку «зеброй» за то, что тот перемазался, когда красил яйца к Пасхе. В рассказе «Великая суббота» Гришка напоминает Васе об этом. Однако уже в следующем рассказе за текстом «Великая суббота» — «Иванушка» — нарушается принцип «восполнения». Время действия здесь — Светлая Заутреня, наступление Пасхи. Но в первом цикле Вася встречал праздник вместе с родителями в храме, а тут он находится с матерью дома, возле больного братика Иванушки, а отец один отправился на пасхальное богослужение. Вспоминает Вася Иванушку и в рассказе «Отдание Пасхи», что свидетельствует о переживании им в своих воспоминаниях событий не одного и того же года, но разных лет³.

Если первый цикл открывается мотивом материнского благословения перед тем, как Вася пойдет на службу в церковь, то второй более драматичен по содержанию, поскольку начинается с сообщения Васи о его драке с другом Гришкой. В рассказе первого цикла «Исповедь» Вася преодолел духовное искушение, встретив по дороге в храм друзей и не поссорившись с ними, а во втором цикле ситуация разлада между друзьями будет повторяться. Тем не менее, во вражду это не перерастает. Есть во втором цикле и ситуация несогласия между родителями Васи. Возникает она в рассказе «Святое Святых». Мать наставляет Васю: «Будь к людям приглядчив. Душу его береги. Сострадай человеку и умеи находить в нем пшеницу среди сорной травы» [14, 106]. В этих словах, основанных на образах пшеницы и сорной травы и связанных с евангельской притчей о пшенице и плевелах, ощутима любовь к человеку как творению Божию. Отец Васи отвечает на эти слова своей супруги так: «Держи карман шире! — проворчал отец, засучивая щетину в драгву. — Как я там к людям ни приглядывался, ни сострадал им, ни уступал, а они все же ко мне по-волчьему относились. Ты, смиренница, оглянулась бы хоть раз на людей. Кто больше всего страдает? Простые сердцем, тихие, уступчивые, заповеди Господни соблюдающие. Не портила бы ты лучше мальчика! Из него умного волчонка воспитать надо, а не Христова крестника!» [14, 106]. Из этих рассуждений видно, что отец духовно слабее в этой семье, чем мать. По сути, отец отступает здесь от православной веры. Но последнее слово остается в этом разговоре за матерью. Она вначале объясняет ему духовную подоплеку таких суждений, а затем наставляет и сына, чтобы уберечь его от соблазна: «Мать так и вскинулась на отца.

— Ты бы лучше оглянулся и узнал: кто стоит за твоей спиной?

Отец вздрогнул.

— Кто?

³ В этом мы не согласны с точкой зрения Е. А. Осминой, утверждающей: «<...> в обоих циклах описан один и тот же год из жизни ребенка <...>» [15, 218].

Да тот, кто искушал Христа в пустыне! Не говори непутевые слова. Они не твои. Не огорчай ангела своего. Сам же, когда выпьешь, горькими слезами перед иконами заливаешься. Не вводи ты нас в искушение. А ты, — обратилась она ко мне, — не всякому слуху верь. У отца это бывает. Жизнь у него тяжелая была, ну и возропщет порою. А сам-то он по-другому думает! Последнее с себя сметет и неимущему отдаст. В словах человека разбираться надо; что от души идет, и что от крови!» [14, 106]. Мать и отца приводит в должное духовное состояние (мы видим, что он живо реагирует на ее слова), при этом не осуждая его, и сына учит духовному рассуждению, указывая на расхождение слов отца с его делами. Из других рассказов нам известно, что родители Васи вместе посещают богослужения и дорожат своей верой. В данном же эпизоде ситуация искушения оказывается преодоленной благодаря матери героя. Таким образом, во втором цикле о детстве важное значение получает мотив искушения героя и событие его преодоления.

Центральное событие в двух циклах прозаика о детстве — Пасха. Восемь из десяти рассказов цикла «Детство» посвящены подготовке к Пасхе и непосредственно самому празднику. В кульминационном для первого цикла о детстве рассказе «Светлая Заутреня» доминирующее значение получает мотив соборности, единения людей в радости и любви к Богу и ближним. «Земля куда-то исчезла — стоишь не на ней, а как бы на синих небесах. А люди? Где они? Все превратились в ликующие пасхальные свечи!»⁴ [13, 49]. Во втором цикле центральный из тринадцати рассказов — «Отдание Пасхи». Здесь тоже есть духовный путь к празднику, следующий вслед за церковным календарем: от недели, предваряющей Великий Пост (рассказ «Кануны Великого Поста»), до завершения пасхального богослужебного цикла. Заметим, что в других рассказах, не связанных непосредственно с пасхальным временем, есть отсылки к мотиву воскресения. К примеру, в рассказе «Яблочки» (цикл «Из воспоминаний детства»), посвященном празднику Преображения Господня, узелки яблок сравниваются с пасхальными куличами. Юродивый Глебушка в одноименном рассказе говорит, что одеяние ангелов похоже на «батюшкины пасхальные ризы» [14, 117]. В последнем же рассказе цикла «Из воспоминаний детства» «Московский миллионщик» дядя Гуляй называет Васю «пасхальным каноном». Таким образом, пасхальная тема оказывается доминирующей в этих «детских» циклах. В свете этой темы скорбные события смягчаются

надеждой на грядущую радость. К примеру, братик Васи, Иванушка, переходит в иной мир в день Христова Воскресения, после возвращения отца со Светлой заутрени. Хоронят его на третий день Пасхи: «Отпевали Иванушку по-особенному, по пасхальному чину, радостно, в белых ризах, с пасхальной серебряной свечой. Отправляли братца в дорогу с сердцем легким и мирным, без нахмуренной скорби» [14, 79]. В рассказе «Радуница» звучат утешительные слова священника: «Жизнь бесконечная... Все мы воскреснем... Все встретимся...» [14, 83].

Примечательно, что во втором цикле о детстве, в ткани повествования, не единожды встречается образ зерна или кутьи. Так, в рассказе «Крещение» упоминается «сладкая, медом заправленная каша» [14, 59], в следующем за ним рассказе «Кануны Великого Поста» — «кутья из зерен — в знак веры в воскресение из мертвых» [14, 63]. В рассказе «Иванушка» есть такое рассуждение Васи: «как зерно с виду мертвое, но, брошенное в землю, восстает к жизни, так и мертвое тело воскреснет при трубе архангела» [14, 79]. В рассказе, посвященном Радунице, прихожане на поминальный стол приносят «пасхальные яйца, куличи и кутью» [14, 82]. В рассказе «Святое Святых» в текст вводятся пшеница, хлеб, семена, а в рассказе «Тайнодействие» — ржаное поле и хлеб. Все это, на наш взгляд, сопряжено с центральной пасхальной темой двух анализируемых здесь циклов и на семантическом уровне связано с сюжетом грядущего воскресения, путь к которому лежит через серьезные испытания и смерть.

В цикле «Из воспоминаний детства» круг персонажей, по сравнению с циклом «Детство», расширяется: к примеру, читатель знакомится со священником, диаконом, церковным сторожем и регентом храма, в который ходят Вася и его родители. О Васиной семье мы узнаем больше: дедушка Васи был старообрядцем, имя брата мальчика — Иванушка, ярче представлены отношения между родителями ребенка. Среди действующих лиц второго цикла прозаика о детстве — блаженный Глебушка, бывший богач Денис Петрович Овсянников и его верный слуга дядя Гуляй. Встречи Васи с этими персонажами становятся событиями или для центрального персонажа циклов, или для тех, с кем он встречается. Так, юродивый Глебушка открывается Васе как человек святой жизни: «<...> по-святому улыбаясь, тонким, тонким шепотом, сине вспыхивая засветившимися вдруг глазами, не похожими на его всегдашние юродивые, забормотал, словно в тихом призрачном полусне <...>» [14, 116]. Для бывшего «миллионщика», а теперь обитателя «драного заплатанного дома, около которого никогда не высыхала грязь <...>» [14, 123] Дениса Петровича Овсянникова встреча с Васей — благое знамение от Бога: «<...> Это хорошо, что отрок к нам подсел... Хороший знак, добрый! Это значит, что души наши не затемнились еще... А вот ежели дитя али животная

⁴ Церковная свеча, как отмечается в «Иллюстрированной православной энциклопедии», — «символ нашего духовного союза с Церковью. Мягкий воск изображает наше послушание, а огонек свечи означает желание измениться в лучшую сторону» [16, 272].

бежит от человека, тогда — каюк... Беззвездная, значит, душа у того несчастного!» [14. 122]. Приход же Васи к Денису Петровичу незадолго до его перехода в иной мир становится для бывшего «миллионщика» ответом на его молитвы: «Сколь велико милосердие Божие, — говорил он [Денис Петрович], — молился я ночью и спрашивал Господа: прощены ли беззакония мои? Знать, прощены, если Он отрока ко мне послал!» [14, 124]. Завершается цикл «Из воспоминаний детства» у могилы Дениса Петровича. Однако в контексте цикла значимым является не столько событие смерти, сколько следующая за ним встреча с Богом. Это событие лежит в основе каждого рассказа рассматриваемых нами циклов о детстве.

Заметим также, что в цикле «Из воспоминаний детства» событие воспоминания, маркированное в заглавии, напрямую в тексте, как, к примеру, в романе И. С. Шмелева «Лето Господне», не проявляется. Значимую роль этот заголовок имеет в структуре всей книги «Дорожный посох», куда этот цикл входит. Цикл о детстве, рисуя жизнь верующей семьи в России до революции, указывает на духовные нормы отношений человека с Богом, семьей, ближними, в соответствии с которыми должна строиться жизнь человека и которые заданы православной верой. В результате революции эти духовные нормы были попорчены, но вера, пронесенная через испытания, послужила в произведениях В. А. Никифорова-Волгина залогом грядущего духовного возрождения народа и страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хализев В. Е. Сюжет / Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины: Учебн. пособие / В. Е. Хализев (под ред. Л. В. Чернец). — М.: Высшая школа; Издательский центр «Академия», 1999. — С. 381–393.
2. Тамарченко Н. Д. Событие сюжетное / Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Н. Д. Тамарченко. — М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. — С. 239–240.
3. Печерская Т. И. Сюжеты и мотивы русской классической литературы: учебное пособие / Т. И. Печерская,

*Новосибирская православная духовная семинария
Сузрюкова Е. Л., кандидат филологических наук, доцент
кафедры гуманитарных дисциплин
E-mail: sellns@mail.ru*

- Е. К. Никанорова. — Новосибирск: Изд. НГПУ, 2010–162 с.
4. Акопян Л. Г. Лирический цикл как тип текста / Л. Г. Акопян // Семантические и коммуникативные категории текста: (Типология и функционирование). — Ереван, 1990 — С. 5–6.
 5. Кроо К. Творческое слово Достоевского — герой, текст, интертекст / К. Кроо. — СПб.: Академический прехт, 2005. — 286 с.
 6. Дарвин М. Н. Циклизация в творчестве Пушкина: Опыт изучения поэтики конвергентного сознания / М. Н. Дарвин, В. И. Тюпа. — Новосибирск: Наука, 2001. — 293 с.
 7. Феоктистова Ю. П. Поэтика прозаических микроциклов в русской малой прозе 20-х годов XX века. Монография / Ю. П. Феоктистова. — Челябинск: Издательский центр ЮурГУ, 2019. — 124 с.
 8. Исаков С. Забытый писатель / В. А. Никифоров-Волгин. Дорожный посох / С. Исаков. — М.: Советская Россия, 1992. — 366с. — С. 330–339.
 9. Перфильев А. Земля-имениница / В. А. Никифоров-Волгин. Заутреня святителей. М.: Паломник, Глаголы жизни, 1998, 528с. С. 475–480.
 10. Нарышкин С. Певец Бога и земли / В. А. Никифоров-Волгин. Заутреня святителей / С. Нарышкин. — М.: Паломник; Глаголы жизни, 1998. — 528 с. — С. 469–474.
 11. Костанян Н. Н. От Рождества Христова до Святой Троицы (по рассказам В. А. Никифорова-Волгина) / Н. Н. Костанян. — М.: ООО «Буки Веди», 2021. — 64 с.
 12. Афонина Е. Ю. Поэтика авторского прозаического цикла: монография / Е. Ю. Афонина. — СПб.: ИНТАН, 2006. — 128 с.
 13. Никифоров-Волгин В. А. Земля-имениница / В. А. Никифоров-Волгин. — М.: Ставрос, 2004. — 224 с.
 14. Никифоров-Волгин В. А. Дорожный посох и другие рассказы / В. А. Никифоров-Волгин. — М., 2018. — 174 с.
 15. Осьминина Е. А. Тексты церковных песнопений в циклах «Детство» и «Из воспоминаний детства» В. А. Никифорова-Волгина / Е. А. Осьминина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. М., 2015. № 5 (716). С. 216–226.
 16. Свеча / Иллюстрированная православная энциклопедия. М.: Дарь, 2011. — 320 с.

*Novosibirsk Orthodox Theological Seminary
Suzryukova E. L., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Humanitarian Disciplines Department
E-mail: sellns@mail.ru*